

18+

ОЛЕГ МАСТЕРСКИХ

Сон инкассатора

ГРЕХОВНАЯ ПОВЕСТЬ. КНИГА
ПЕРВАЯ

Олег Мастерских

**Сон инкассатора. Греховная
повесть. Книга первая**

«Издательские решения»

Мастерских О.

Сон инкассатора. Греховная повесть. Книга первая /
О. Мастерских — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-600733-8

Наверное, у каждого человека есть понимание о плохом и хорошем. Совершая те или иные поступки, мыслящий человек отдаёт себе отчёт о верности принятого решения и о последствиях, возникающих по воплощению содеянного им.

ISBN 978-5-00-600733-8

© Мастерских О.
© Издательские решения

Содержание

Эпиграф...	6
Предисловие	7
Глава первая	8
«Казанцев и Родина»	8
Отступление первое	12
Глава вторая	13
Губернатор	13
Отступление второе	16
Глава третья	17
Распил	17
Отступление третье	20
Глава четвертая	21
Вексель	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сон инкассатора Греховная повесть. Книга первая

Олег Мастерских

Художник Наталья Цветкова

© Олег Мастерских, 2025

ISBN 978-5-0060-0733-8 (т. 1)

ISBN 978-5-0060-0734-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпиграф...

Соблазнам не умея возражать,
Я все же твердой линии держусь;
Греха мне все равно не избежать,
Так я им заодно и наслажусь.
Игорь Губерман

Предисловие

Наверное, у каждого человека есть понимание о плохом и хорошем. Совершая те или иные поступки мыслящий человек, отдаёт себе отчёт о верности в принятом решении и о последствиях возникающих по воплощению содеянного им.

С раннего возраста, общество готовит нас к принятию верных решений (не буду вдаваться в описания моральных качеств тех или иных обществ). Внедряя, путём различных методов, в наше сознание, основные параметры понятия о – «Верном» и «Неверном», «Плохом» и «Хорошим», «Греховном» и «Праведном».

Одна из исследовательских групп, специализирующаяся на изучении проблем социализации бывших заключенных, в своём опросе попросила дать определение понятию «Греха». Оказалось, что современное общество не в состоянии это сделать. На примитивном уровне люди, конечно, понимают, что одно решение – верное, а другое – нет, но дать точный ответ, «грешники» ли люди принимающие эти решения, и в чём именно их «греховность» опрошенные так и не смогли.

В современном мире мы наблюдаем огромное множество культур, основанных как на исторических, так и ново приобретаемых, внедрённых понятиях морали. Каждый социум по-своему трактует понятие «Грех», «Греховность».

С религиозной точки зрения «Грех» – действие или бездействие, а так же помыслы – идущие в разрез, отвергающие принятые на основе церковных законов нормы человеческого бытия. В миру, понятие «Греха» может обозначать действия, нарушающие общественные устои и этический уклад, обусловленный принятыми законами, культурными традициями, географическим положением.

Общество, законопослушные граждане, члены религиозных общин, территориальных групп зачастую по-разному, порой диаметрально противоположно, понимают для себя основные законы морали, но каждый участник желает следовать им, в соответствии собственными мыслями, а также с понятиями той стороны, в которой данный человек находится.

Размеры – этой стороны могут быть любыми: от точного места, где родился и вырос до страны, сообщества, членом которого человек себя считает. Мульти культурность, транснациональность, разность религий, а так же само значение Стороны – обусловлены не только историческим, родовым или клановым контекстом, но и глубокой эмоциональной привязанностью к своей Родине, Отчизне. Любви к Ней.

Глава первая

«Казанцев и Родина»

Казанцев не любил свою родину. Да, да именно так, с малой буквы «р». Он ни когда не испытывал не эмоциональной, не исторической и уж тем более, какой либо культурной общности с тем местом или даже окраиной, как он сам считал, где он рос, учился и отживал причитающиеся ему часы, дни и годы. Родовое гнездо, свитое его родителями, и в котором 46 лет назад появился на свет Сергей Сергеевич Казанцев, не оставило в его душе ни теплоты семейного очага, ни звуков родных голосов, ни тех запахов, что сохраняются в доме, составленных как букеты духов из всего того, что окружает живущих здесь людей. От аромата недельных щей, до терпкого, всегда узнаваемого благоухания одеколона «One Man Show Jacques Bogart».

О! Да! Аромат для мужчин. Принадлежащий к группе шипровых ароматов, столь известных и поистине любимых в нашей стране, One Man Show, был создан Парфюмером: Роджером Пелегрино.

Верхние ноты: тмин, гальбанум, базилик, бергамот и розовое дерево. Ноты сердца: ладанум, мускатный орех, специи, артемизия, гвоздика, пачули, жасмин, ветивер, роза, иглы сосны и герань.

Ноты базы: кожа, кастореум, бобы тонка, амбра, кокос, ваниль, дубовый мох, белый кедр, стиракс и сандал.

Все эти составляющие (главным образом – ШЦИ) зримым оттиском впечатанные в стены, мебель, личные вещи так и в самих жильцов, составляя продолжение генетического кода семейного клана, так и не впитанного нашим героем.

Рожденные глубоко в Союзе, родители Казанцева благодаря очередной комсомольской стройке, вырвались из глубин сельского хозяйства и, получив на руки столь вожеланный паспорт, окунулись в горячий процесс производства синтетического каучука, выполняя и перевыполняя коммунистический план очередной трудовой пятилетки, на построенном ими же заводе.

Во времена их юности, город Номск из пограничного уездного городка, прославленного разве что своим пересыльным острогом, превратился в гигантскую промышленную стройку. Как огромный океанский Кракен, город раскинул щупальца дорог, соединив между собою всех участников промышленной, культурной, социальной и административной составляющей жизненного процесса Номска. К исторической Центральной части города, в течении трёх, поистине ударных пятилеток были добавлены ещё пять районов. Новые агломерации, обусловленные как трудовой, так и социальной составляющей, застраивались с невероятной скоростью.

Работники заселяли прилегающую к своим предприятиям территорию, исходя из близости к рабочему месту, даже нумерация построек, обычно ведущаяся от центра города к его окраинам, в рабочих районах велась от близости к комбинату, заводу или фабрике.

В одном из таких при-заводских домов, на стыке Первомайского и Советского районов и на границе самого города Номска, по адресу улица Заозерная 2 и появился на свет Сергей Сергеевич Казанцев, единственный наследник строителей коммунизма, передовиков производства, молодых горожан, счастливых обладателей новой, двухкомнатной квартиры – П-57 серии.

Типичные представители второй волны индустриализации в сфере строительства, образца 1957- 1970 годов, панельные, быстро-возведенные постройки соединялись в прямоугольные микрорайоны, объединенные такой же уныло-серой придомовой территорией с ого-

роженными сварными, прутковыми заборами, окрашенными в цвет серебрянки – детским садом, средней школой и газгольдером.

Казанцев гордился собой. Огромная, всеобъемлющая любовь к самому себе, взращенная и воспитанная ежесекундным самоконтролем и самолюбованием в купе с пренебрежительным и тщательно скрываемым, презрительным отношением к нормам морали, культурным ценностям и представлениям о благопристойности, отрицательным отношением к общепринятым нормам нравственности, к официальным догмам, позволяла Сергею Сергеевичу, плавно лавировать в потоке жизненных коллизий, ничем не обременяя, беспокоя, раздражая и всячески отвлекая от самого себя.

Он был прекрасно сложен. Подаренная родителями – приземистая, с пропорциональными частями, средне – русская стать, в купе с правильными, по-детски открытыми чертами его лица, обрамленным прямым ворсом светлых, почти белых волос, позволяло Казанцеву, не прилагая особых усилий вливаться в любой коллектив, и что самое важное – это комфортно располагаться в нем без каких либо финансовых, эмоциональных и любых других затрат, только благодаря своей визуальной правильности и врожденной привлекательности.

С раннего своего возраста, маленький Серёжа стал переходящим «Красным Знаменем» для всего своего семейного клана.

Волею судьбы единственный ребенок, внук и наследник, Казанцев младший с пелёнок стал смыслом жизни обоих семейных родов. Гипертрофированная, всё поглощающая любовь к единственному отпрыску, обожествление и поклонение ему, неуклонно, день за днем создавала из обычного, крайнего мальчишки – сказочного персонажа из произведения печально известного драматурга Оскара Уайльда «Звёздный мальчик».

Быстро устав от количества и разнообразия игрушек, задаренный наследник Казанцевых, не имеющий возможности общения со сверстниками в силу полной занятости собственного свободного времени стараниями старшего поколения (родителей, а так же бабушек и дедов) в приобщении ко всему прекрасному, был вынужден впитывать это прекрасное.

В какой – то момент дело дошло до похода в Номский драматический театр, расположенный в самом центре на проспекте имени Великого Ленина.

Проспект Ленина Серёжу поразил с первой встречи.

Давным-давно проспект звался Чернышинский, (в народе же его прозвали Няшинским). Название своё он получил от сквера, названного именем жены генерал-губернатора Няши. В Номск генерал- губернатор был прислан из столицы в возрасте 57 лет. Генерал был счастливо женат. Дуняша Феодоровна, которой только минуло 23 года (об этом Казанцев услышал гораздо позже) была скромна и красива. Ходило много слухов и сплетен. Но люди приняли и полюбили Няшу (так её стали называть). Когда говорят о Няшинском проспекте, становится ясно, что речь идёт о городе Номске.

Наряду – со старинными зданиями купцов и фабрикантов, воплотившими дух того – прошедшего времени, маленький Серёжа видел и приметы современной эпохи. Несмотря на это, у мальчика приросло прекрасное чувство сопричастности к истории и огромное желание стать частью этого пространства.

Здание театра драмы стало настоящим шоком для маленького Казанцева. Театр восхищал своим неповторимым обликом, величаем, непохожестью на серость и угловатую неряшливость собственного дома и всего, что окружало Серёжу до встречи с главной улицей его города. Проспект стал излюбленным местом Серёжиных прогулок с родителями, бабушками и дедушками, а позже, повзрослевший Казанцев всё своё свободное время посвящал Няшинскому.

Вот и сейчас, спустя более 40 лет, он стоял в верхней точке проспекта, напротив величественного здания театра со стороны музея имени Малевича. Активно разминая суставы ног перед давно ставшей привычкой, еже утренняя пробежкой.

Этот ритуал, а это был именно ритуал, Казанцев стал совершать на следующее утро после переезда с рабочей окраины города в самый его центр. Бесшумно ступая мягкой, пружинистой подошвой прекрасного образца спортивной обуви по серо-красным плитам старинного проспекта, Казанцев всеми клетками своего прекрасного организма ощущал безусловную правильность нахождения его на этой улице. Нет он не пытался доказать правомерность своего присутствия ни этим глазам – витринам старинных особняков, ни ранним прохожим, застигнутым в предзвездный час суетной надобностью, ни надменным жильцам – старожилам, ревностно оберегающим покой «старого города» от навязчивости нуворишей.

Доказательства не требовались. Этот проспект был достоин ЕГО и его ритуала. В этом покоренном им месте силы, Казанцев, как император победитель взирал на свои новые владения, каждый раз отмечая их величественную красоту и богатое убранство.

– Доброе утро Сергей Сергеевич! – за спиной Казанцева послышался мягкий вкрадчивый баритон.

Казанцев вздрогнул от неожиданности и обернулся.

– А, Владислав Борисович, это вы... Доброе – буркнул Казанцев и протянул руку для пожатия.

Владислав Борисович соседствовал с Казанцевым по лестничной площадке и время от времени составлял компанию Сергею в утренней пробежке. В. Б. Комиссаров был ровесником Казанцева, но стройный одетый всегда в строгие классические костюмы от мастеров-модельеров безупречных, всемирно почитаемых модных домов – господин (а то, что он был именно господином, у Казанцева не было никаких сомнений) Комиссаров вызывал у Сергея священный трепет. Казанцев не верил в бога, этот трепет перед Владиславом Борисовичем был величиной абсолютной, совершенно очищенной от всяких религиозных моментов. При встрече с этим человеком Казанцев всегда ощущал беспомощность, как пожухлый осенний лист перед лицом стихии, при этом противостоять, преодолеть эту стихию, укротить природу этого трепета не мог. Казанцев как бы позволял – возвышается над собой, но не из-за страха, а в силу того, что чуял в этом человеке – высшую силу. Владислав Борисович возглавлял отдел внутреннего контроля в самом главном управлении, одной, очень силовой службы.

– А, нам сегодня не по пути – сказал Владислав Борисович, пожимая протянутую ладонь.

Казанцев равнодушно повёл плечами, и только сейчас, обратил внимание, на то что стоящий перед ним Владислав Борисович, одет в гражданское, а не в спортивный костюм.

– А, это вы куда, так рано? – спросил он, не проявляя особой заинтересованности.

– Куда прикажут, – радушно ответил Владислав Борисович.

– Куда прикажут. Раннее совещание на службе, а такое прекрасное утро, жаль менять его на затхлость кабинета. – Добавил он, медленно ступая к подъехавшему, минутой ранее огромному, служебному автомобилю, сверкающему даже в тусклых утренних зарницах медленно занимавшегося небесного пожара.

Черный внедорожник Комиссарова, как помпезный фиакр, плавно покатился по дороге вниз, спускаясь от драматического театра по-утреннему пустому проспекту и увозя, на раннее совещание стройного генерала – силовика с губернатором Номской губернии.

Казанцев взглядом проводил служебный «танк» Владислава Борисовича, быстро удалявшийся по своим генеральским делам, до того момента, когда плотная пелена тумана от остывшей за ночь реки, не поглотила его бронированный корпус.

Узкий (по современным меркам) проспект был зажат с обеих сторон гранитным тротуаром, нагло втиснутым между проезжей частью и историческими фасадами двух, трёх этажных зданий (так же как сейчас) служивших их владельцам как коммерческой, так и жилой недвижимостью. Редкие, отравленные выхлопом и реагентом деревца как измученные дальним переходом в острог заключенные, сиротливо опирались на чернеющие урны городского хозяйства, явно сочетаясь с их цветом и видом ковки, цветом и ковкой собственных оградок.

Проспект скоро упирался в чугунный мост через реку Номь. Река как нагретая жаркими южными лучами змея, остывая, порывисто струилась, унося к скорому слиянию широкие, тёмные омуты подсвеченные новыми светодиодными фонарями с пустынной, окутанной ранним туманом набережной.

В след за исчезнувшим в этом мороке «фиакром», Казанцев побежал мерным, спортивным шагом, совершая последовательные движения, во время которых ноги бегуна как бы летят над поверхностью. Такой стиль назывался – джоггингом. Этот стиль в беге отличается медленный темпом и специальной техникой, отточенной Казанцевым в ежедневных тренировках. При такой технике ноги и весь корпус находятся в достаточно расслабленном положении, а упругий толчок от поверхности отсутствует. Со стороны казалось, что упругое, спортивное тело атлета без каких либо колебаний относительно поверхности, бесшумно скользит вдоль по Няшинскому проспекту в предрассветной дымке, слегка колышущегося пространства.

С первых же мгновений, запущенного ритуала, Казанцев ощутил невероятный прилив энергии, хлынувшей в него как электрический ток в новейший, модный гаджет, преобразованный трансформатором из переменного в поступательный. Он ощутил себя древнегреческим полубогом, возвращающегося после совершенных подвигов в Олимпийский пантеон, как равный к равным. Казанцев летел, не касаясь земли к дальней вершине, к горизонту, прочь от серости, однообразности, посредственности...

Конец первой главы.

Отступление первое

Как часто человек, как существо мыслящее, оценивает себя? Свои ожидания, возможности, способности. Есть ли шкала измерения собственных возможностей? Как корректно оценить величину собственного творческого, мысленного потенциала, сколь высоко наше мнение о самих себе?

Раз за разом, при общении с близкими, друзьями или совершенно не знакомыми людьми, замечаю такие высказывания: «Так и я смогу» или «Нарочно не придумаешь», «А что здесь сложного». Оценивая действия других, мы часто принижаем степень усилий, мастерство и необычность исполнения, совершенство и красоту произведений.

Многочисленные институты, призванные к изучению культурного наследия, убеждают нас, в том, что способность к творчеству ни есть нечто непостижимое, потрясающе непревзойдённое, или, если взглянуть глазами человека верующего, чудотворное, божественное.

В своих трудах «мудрейшие мужи» от современной науки объясняют нам, что:

– Мышление творцов неуёмно в едином стремлении – использовать окружающую нас природу как сырьё, как источник знаний, замечать и изучать свою жизнь и жизнь других людей, повсюду находя образцы для познания и неумолимо комбинируя полученные результаты, творить.

Любой человеческий труд включает в себя моменты творчества, будь то работа хирурга, строителя или учёного, но статуса «Гения», «Мастера» с большой буквы «М» удостоены лишь единицы из нас. Творцов достигших вершин всеобщего признания часто отмечают эпитетами – «Божественный», «Гениальный», «Чудесный» выделяя их из общей массы людей.

«Мы говорим о гениальности только там, где действия крупного интеллекта нам особенно приятны и где мы не склонны чувствовать зависть, поощряя культ „Гения“» Фридрих Ницше.

Обожествляя, делая чудесным дар творца, мы отдаляемся от «Гения», переставая соперничать с его умением, именно в этот момент нас одолевает: лицемерие, бессовестная ложь, лесть, зависть, хвастовство, желание и искание земных и суетных почестей, любовь к роскоши, лукавство, самооправдание, прекословие, унижение ближнего, переменчивость нрава, искание славы человеческой – всё то, что даёт возможность прорасти и не переставая подпитывает в нас – Тщеславие.

Глава вторая

Губернатор

В городе Номске всё было посредственным. Сделанное как бы походя, городское пространство не выделялось ни своим эстетическим, ни практическим значением. Наверное, поэтому вся зримая поверхность улиц, территорий и площадей была густо, в каком-то иррациональном количестве, завешано всевозможной рекламой. Как огромный промышленный холодильник на оптовом рыбном складе был обклеен разноцветными стикерами, с невероятным количеством информации, понятной только самим составителям записей, так и город был плотно занавешен от его жителей, вне всякого стиля (каждый как смог) разнокалиберной, цветной, неоновой липкой лентой.

Номск не стал знаменит ни учеными, ни художниками, ни артистами. В город с миллионным населением никогда не приезжали правители. Единственный новостной бум случился, в начале 90х. когда бывший первый президент СССР мимоходом заглянул в Номск, пытаясь собрать электорат перед выборами, а получил запланированную конкурентами в политической борьбе оплеуху.

Бессменному руководителю региона нравилась невидимость Номска. Легко и сытно жить в никому не заметном уголке. * ***

– Доброе утро Константин Леопольдович.

Кристина, молодой, начинающий журналист, только в этом году окончила факультет журналистики Номского государственного университета. Всего несколько дней назад, Кристина прошла серьёзный отбор в только, что образованный Губернский Государственный телевизионный канал, получивший 11-ю кнопку в сетке регионального вещания, что и определило его название.

Девушка считала зачисление в штат «11-го канала» большой удачей и вот новая победа – большое интервью с руководителем региона.

– А, Кристиночка! Доброе, доброе утро девочка.

Лежнев сам выбрал журналиста для своего интервью, опираясь исключительно на внешние данные и возраст Кристины, юную, пышущую здоровьем, как говорят «кровь с молоком». Губернатору очень импонировало, находиться рядом с молоденькими, красивыми девушками. Рядом с ними Константин Леопольдович расцветал, весело щебеча о разных пустяках, походя, отмечая стыдливую краску на нежных лицах юных красоток, ошалевших от «лихого» флирта престарелого ловеласа.

– Как твои успехи? Что нового на тернистой тропе современной журналистики?

Лежнев с удовольствием заметил сильное волнение, не позволявшее молодому журналисту вовремя реагировать на быстрые вопросы губернатора.

– Ну, ну, Кристиночка, давайте успокоимся. Я начну рассказывать, а вы записывайте.

Константин Леопольдович вызвал одного из своих секретарей, нажав нужную клавишу на старом, ещё докапиталистическом селекторе и попросив тут же появившуюся в дверях девушку, принести кофейный набор и пару бутылок минеральной воды.

– Вся эта затея с интервью, – вкрадчиво вещал губернатор,

– Она связана с близким релизом моей книги. В следующем месяце она появится на полках и нам с вами очень нужно постараться, чтобы привлечь внимание.

Лежнев немного подождал, дав девушке закончить, начатый ею конспект и дважды кивнув головой, как бы убеждаясь в правильности своих слов, медленно продолжил.

– Нет, внимание не к моей книге конечно, а к региону в целом. Рассказать зрителю о главных вехах развития региона, о его жизни, людях, планах.

Лежнев налил в небольшую, тонкого фарфора чашку – горячий, благоухающий яркими, бодрящими красками свежезаваренный кофе и придвинув её ближе, к уже по привычке к давящей атмосфере девушке, продолжил.

– Пейте, красавица и начнём.

Константин Леопольдович Лежнев родился в конце 40 – х годов в привокзальном поселке Номска, в семье рабочего депо. По окончании средней школы работал помощником машиниста, но рано понял, что помощники в управлении, чего бы то ни было, обременены тяжелыми обязанностями и не справедливо обделены при разделе и без того не великих благ. Учиться, учиться и ещё раз... Правильно.

Быстро проинспектировав возможности, Лежнев по комсомольской путевке (в то время страна бурно осваивала целинные земли) поступил в сельскохозяйственный институт, по окончании коего и был отправлен в управление треста «Целинкрайводострой» на должность производителя работ. Работы пришлось производить в ужасных условиях не тронутых цивилизацией казахских степей. Единственным способом для молодого специалиста улучшить эти условия – стать в руководстве, возглавить других молодых специалистов и в свои двадцать четыре года Лежнев стал членом ПАРТИИ.

Много позже, во времена уже победившего капитализма, в своей книге воспоминаний, Константин Леопольдович заявил, что «вступил в партию, чтобы развалить ее изнутри». И, безусловно, Академию общественных наук при Центральном Комитете ПАРТИИ Лежнев окончил именно для того, чтобы «развалить» её, а не расти и получать от своего роста всё новые и новые преференции.

Высокопрофессиональный управленец, идущий «Верным курсом», благодаря само воспитанному, блестящему навыку прогибать и прогибаться, за 20 лет прошёл путь от кочегара до главы администрации Номской губернии, назначенный указом президента новой страны, перед этим выйдя из состава бессильной ПАРТИИ, уже разваленного им же государства.

Минуло ещё 15 лет. За это лихое для всей страны время, губернатор – невидимка развил и без того сверхчеловечную способность удерживать власть в своём сумеречном регионе. Константин Леопольдович прослыл гибким политиком, пересидев обоих президентов, демонстрируя глубокую лояльность к любой столичной власти.

На протяжении этих лет, Лежнев с филигранной точностью, планомерно подминал под себя городское хозяйство, не упуская ни мелких в сфере услуг, ни крупных – градообразующих предприятий, укрупняя свой, ставший уже семейным бизнес. Оставаясь не зримым хозяином регионального рынка, губернатор стал сказочным Крёзом для наводнивших губернию предпринимателей. Как вековой, восьми пудовый сом – исполин, живущий в глубоком, мутном омуте и ставший легендарным в тесном, завистливом мирке повядших в борьбе за импортную наживку рыбаков.

Беда пришла, откуда её не ждали. Пришлишие ревизоры и раньше наваливались на владения Лежнева. Как оголодавшие от длительного перехода ордынцы, в помятых и запыленных костюмах-латах, проверяющие быстро насыщались, не отходя далеко от ревизируемых ими присутствий. Четко отслеживая транспортную логистику и границы часовых поясов, бодро отбывали в соседний регион.

Новый областной прокурор, спущенный взамен почившего месяц назад старого, как то очень рьяно взялся за многочисленные доносы и заявления граждан, озабоченных творящимся в губернии беспределом. Всё чаще и чаще он стал запрашивать выемку финансовых отчетов «близких» Константину Леопольдовичу предприятий, компаний и обществ. А тут ещё, в одном из интервью, известная российская поп-звезда мельком упомянула о соседстве своего малень-

кого особняка, расположенного в Майами-Бич штата Флорида с, огромными владениями Номского губернатора. И тогда Константин Леопольдович осознал, что эра его личного феодализма подошла к концу.

Прежние схемы достатка, проверенные временем рушатся другим временем, соединившим промышленные высокотехнологичные процессы с не менее технологичными информационными процессами. Время руководителей из 80-х прошло безвозвратно. Пришло время вернуться на землю.

Губернатор стоял в своём кабинете у огромного панорамного окна, выходявшего на центральную площадь Номска. Без особого интереса наблюдая за красивой девушкой, быстро идущей к крупной, брэндированной машине с огромным логотипом «11-го канала» нелепо размазанным по неровным поверхностям автомобиля.

Панорамное стекло, изготовленное по специальному заказу, являлось прекрасным воплощением современной научной мысли в сфере безопасности, оберегающее своими качествами от всего спектра угроз окружающих своего хозяина, так говорилось в переведенном на невероятное количество языков слогане, горделиво красовавшемся на рекламном буклете чудо – окна.

Не зримый для ранних прохожих, бегущих по своим мелким делам, Константин Леопольдович Лежнев, возвышался, как бы парил над всем своим уделом, бегло обозревая сразу почти весь город. А город, медленно проявлялся в подсвеченных яркими фонарями улицах, слегка чумазых после принесенной из соседнего региона клуба пыли, разновеликих, жестяных, блекло-зеленых крышах. Разбросанные неровными рядами клочки растительности, как бы прижавшиеся с обеих сторон к берегам раздавшейся после дождя реки.

Лежнев обозревал свои владения. Собранные на протяжении долгих лет – семена, отсеянные твердой рукой селекционера, любовно выращенные тяжелым трудом, сейчас они вырождаются, из за сорных трав и вредителей, заполонивших его надель. Плодородные земли, его труд, который так и не превратился в наследство.

– Что в остатке? – Думал губернатор. – Бесконечные орды насекомых уничтожающие сочные побеги. Городское хозяйство, состоящее из долгов перед федералами. Бездумно запущенное сельское хозяйство. Остановившиеся заводы «оборонки». Жалкие остатки того, что называется малым предпринимательством и недостроенное метро и масштабные, неисполнимые планы строительства водохранилища, нового аэропорта, разваливающаяся спортивная арена?

Всё – это, уже не имело ни какого потенциала...

– Пора... – подумал вслух Лежнев.

И в этот миг в дверь глухо постучал

Конец второй главы.

Отступление второе

Труды Аристотеля, ставшие довольно популярными в среде исследователей теории возникновения понятия – этика, открывают любопытный спор, связанный с возникшим в процессе становления «НОМО MORALIS» выбором: что принять человеку моральному, созидающему, деятельному как центр благоустройства, развития, силоприложения – общественное или личностное?

Этические рамки, закладываемые различными общественными группами, порою весьма противоречивы и проявляются в сложившихся в той или иной общности людей характером отношения, если хотите – противопоставлением индивидуальности к коллективизму.

Если один общественно-политический строй отождествляет стремления личности к реализации своих законных амбиций с вектором успешного развития всего общества, за счёт повышения качественных показателей каждого из своих членов. В то же самое время существует и противоположная общественная структура считающая, что любое проявление индивидуальности идёт в разрез с коллективной моралью, а стремление к самореализации воспринимается как эгоизм и карьеризм.

Безусловно, причины различного восприятия, казалось бы, абсолютных истин, лежат в национальном характере народов и в особенностях этических координат.

Разделяющий фактор, наметивший границы государств, основан на принятом тем или иным народом морально-этическом кодексе, определяющем в обществе такие понятия как добро и зло, отношение гордыни и смиренному послушанию.

Послушание (смирение) порой и определяет национальную самобытность народа. Его своеобразие, готовность к терпению перед властями, покорность, самоопределение, фатализм и национальная гордость – всё это и есть связующая сила, объединяющая таких различных, созданных в единственном экземпляре людей в один народ, единую общность, нацию.

Человечность, порицаемая этическими стандартами современного общества, идёт в разрез с доминирующей социальной парадигмой, в которой путём нехитрых манипуляций, подменяется понятие – национальная гордость. Национализм, презрение ближнего, предпочтение себя всем, гордыня, дебелисть ума и сердца, хула, неверие, колкое насмешничество, замена смирения на молчания, потеря простоты и любви к ближнему, ложная философия порождающая невежество – Смерть души.

Глава третья

Распил

– Нам нужны миллионы собственников, а не горстка миллионеров.

Говорил, обращаясь к гражданам новой страны, первый президент России, объясняя цель приватизации.

После распада огромной страны, новое государство – Российская федерация, взвалив на себя все обязательства СССР, практически обанкротилось.

Прежняя модель планово-распределительной экономики распалась, как ветхое судёнышко, подхваченное внезапным, всё разрушающим ураганом. Прежние производственные связи рвались на границах новых государств. Когда то объединяющий производственный процесс – Советский рубль пал под натиском национальных валют, быстро обретших стихийную независимость, когда то «братских» республик.

Брошенные на произвол предприятия, вынужденно останавливали производство, разрываясь в поисках поставщиков, а главным образом финансов как для расчетов со смежниками, так и для оплаты труда собственных сотрудников.

Деньги стремительно обесценивались. Старые участники, новых рыночных отношений перешли к свободному ценообразованию. Из-за различных как политических, так и финансовых условий: уровень инфляции к началу 1993 года превысил астрономические 2500%.

В поисках решения экономических проблем, новое руководство страны не нашло ни чего лучшего в процессе борьбы с коммунистическим прошлым, как использовать излюбленный коммунистический же принцип – ВСЁ ПОДЕЛИТЬ! И началась приватизация.

Стоимость государственного имущества, подлежащего приватизации составила 1,4 трлн. рублей, оценить реальную стоимость имущества было проблематично. За основу взяли цифры плановой оценки за 1991 год. Процессу передачи государственной собственности в частные руки подлежали крупные промышленные и сельскохозяйственные предприятия, земля и жилой фонд. Из государственных предприятий они преобразовывались в акционерные общества. В стране начался выпуск 140 млн. ваучеров.

Право на ваучер было у каждого гражданина страны – «от младенца до глубокого старца». В теории любой россиянин мог стать владельцем части крупного предприятия. За 25 рублей каждый россиянин мог получить приватизационный чек номиналом 10 тысяч рублей. На ваучер можно было приобрести акции любого приватизируемого предприятия России.

«Приватизационный чек – шанс на успех, который дается каждому. Помните: покупающий чеки расширяет свои возможности, тот, кто продает, – лишается перспектив!» (памятка к ваучеру).

И пока одни граждане вкладывали свои чеки в акции крупных игроков отечественного рынка, другие меняли их на продукты, бытовую технику, продавали скупщикам, в огромном количестве появившимся на просторах нашей, необъятной родины. Кроме того, по всей стране стали появляться чековые фонды, куда граждане могли сдать ваучеры и возможно, даже получать дивиденды.

«Красные директора» так называли руководителей предприятий, занявших свои кресла ещё в эпоху коммунистической идеологии. Директора фабрик, трестов, заводов быстро разобравшиеся в преимуществах приватизации, применяя свой административный и личностный ресурс, различными способами принуждали служащих продавать свои акции, полученные при приватизации предприятий, таким образом, становясь его единственным владельцем.

Но и на самих «Красных директоров» велась постоянная охота, со стороны как крупных финансовых, так и откровенно криминальных организаций. Не обладая достаточным ресурсом для борьбы в условиях «дикого рынка», большинство руководителей теряли свои полномочия, а зачастую и жизнь. Добытые в таких боях трофеи, пополняли движимые и не движимые активы новых хозяев страны, плотно сросшиеся с властью имущими элитами молодого капиталистического государства.

Власть, за свои «труды», желала достойного вознаграждения. А укрупняющийся, за счёт узаконенного рейдерства бизнес, плотно влиял на политические и финансовые решения правящих элит. Так, к концу 1994 года появились олигархи, которые благодаря алчности и бессилию власти завладели до 70% предприятий.

В начале 1995 года большинство добывающих государственных недр предприятий новой России были поделены между крупными компаниями-кланами. Ещё не подмятые под каток олигархов предприятия, как могли, выживали в жестоком противоборстве столичных группировок, пытаясь заручиться поддержкой власти имущих.

Номский газоперерабатывающий комбинат соединённый трубопроводом компании «Трансгаз» с крупным месторождением «Октябрьскгазодобыча» ещё с советских времён представляли собой единый блок предприятий по добыче, транспортировке и переработке природного газа. Поэтому идея объединения в один холдинг была вполне логична, и лишь замкнутость производственного процесса, в купе с серьёзной отдалённостью от столицы и поэтому невидимости региона размещения предприятий, позволило столь долго оставаться вне поля интересов крупных игроков-охотников.

Тем серьёзнее оказался конфликт двух крупнейших, противоборствующих группировок за столь свежий и лакомый кусок промышленного пирога.

Одна группа была создана усилиями действующего директора Номского газоперерабатывающего комбината, сумевшего найти поддержку в правительстве, через которое выдавались квоты на реализацию за рубежом нефти и газа, а так же благодаря личному знакомству «Красного директора» с генеральным прокурором РФ.

Вторую возглавил Аркадий Абрамович Романов молодой и дерзкий бизнесмен, бойко управлявший частными активами нефтехимической и газовой промышленности.

Исход противостояния казался неизбежным, мощь умудрённого тяжеловеса была незыблема, но победила молодость. Романов не только привлёк на свою сторону руководителей «Трансгаза» и «Октябрьскгазодобыча», но и не любившего за несговорчивость и независимость руководителя газоперерабатывающего комбината – Номского губернатора Лежнева, тщетно пытавшегося погреть руки у газового гиганта.

Не имеющий доступа к Российскому президенту Аркадий Романов, получил такую возможность в лице Номского губернатора. Лежнев, с предложением создания Акционерного Общества «РосГаз» прибыл к Президенту 12 сентября, а уже 20 сентября президент подписал указ о создании нового АО в «редакции» Романова.

В совет директоров новой компании вошли Аркадий Романов, Константин Лежнев и брат супруги Константина Леопольдовича.

Судьба конкурентов была закономерна: первый заместитель правительства России и генеральный прокурор уже 24 сентября находились под стражей и провели в изоляторе почти два года.

День быстро тускнел. Ещё совсем недавно огромные тополя, высокой стеной окружающие его родной комбинат, дружно приветствовали своими гладкими, слегка маслянистыми листьями – ладонями. Гулко шелестя, радуясь веселому ветерку, живо скользящему, между

взвившимися к пушистым, летним облакам крон. И вот уже осень. Листва ещё не опадала, упорно борясь с природой, неминуемо меняющей ход времени.

Он любил этот завод, начав слесарем свой рабочий путь сразу после армии, директор знал комбинат как свои пальцы, каждый цех, каждый сантиметр трубы проложенной то тут, то там в выверенных инженерами конструкциях и путепроводах. Это был ЕГО комбинат.

Тот четверг 19 сентября 1996 года президент Номского газоперерабатывающего комбината провёл на своём рабочем месте. Наскоро пообедав в комбинатской столовой «Красный директор» по внутренней связи вызвал служебный автомобиль, он не пользовался охраной, не безосновательно полагая, что для профессионала это не преграда. Вот и сейчас, как всегда, заняв место рядом с водителем, отправился в город на условленную ещё вчера встречу.

Убийца, в темной под цвет обивки автомобиля одежде, скрытый от глаз не проницаемой тонирующей плёнкой, покрывающей стёкла машины, удобно расположился за пассажирским креслом в заднем отсеке большого представительского седана.

Открылась передняя пассажирская дверь, слегка двинулось сидение, принимая в свои мягкие тела, привычные формы хозяина. Дверь закрылась, тихо лязгнув собачкой замка и авто тронулось, унося в последний путь своего пассажира.

Часом позже, в одном из гаражных кооперативов высокий, по-спортивно сложенный молодой человек, аккуратно укладывал ещё тёплую, нагретую собственным телом, темного цвета одежду в раскрытую объёмную сумку, оставленную в багажнике автомобиля, в заранее подготовленном для этого гаражном боксе.

Спустя короткое время, ни чем не примечательный автомобиль, выехал из массива гаражей на уже совершенно тёмную вечернюю улицу. За рулём сидел высокий молодой господин в прекрасном, сшитом по фигуре классическом костюме, во внутреннем кармане которого лежало новое, еще терпко пахнущее клеем и типографской краской служебное удостоверение на имя Владислава Борисовича Комиссарова – капитана государственной службы безопасности Российской Федерации.

Отступление третье

Изучая зарождение и развитие тех или иных стадий человеческого общества в различные исторические периоды, начиная с Шумеров и заканчивая современным обществом, я заметил явное сходство в способах достижения Цивилизациями (от лат. *civilis* – государственный, гражданский) – определённого уровня социальности.

Познавая всё новые и новые законы природы, зародившиеся социальные группы учатся существовать вне зависимости от её (природы) суровых условий, используя приобретённые научные и практические знания. Полнота таких знаний в купе со способностью практического применения определяет степень культурного развития и самоопределения общественных групп, внедряя социальные нормы, в виде правовых актов (законов и правил) попутно формируя властные структуры для обеспечения полноты контроля над их исполнением.

Создаваемая обществом властная надстройка, во все времена стремится овладеть действенным механизмом, позволяющим разрушить саморегуляцию управляемого ей общества путём навязанного, различными методами, мироустройства.

Основанное на принципах потребления общество лишается инициативы, страх перед бедностью парализует четкость мышления, заставляя граждан искать пути избежать нищеты, подрывая инициативу, лишая самоуверенности, снижая культурную память, уничтожая адекватные стремления к улучшению общественного положения.

Ничто так не уничтожает человечность как нищета. Историческая память, переходящая из поколения в поколение, убедительно доказывает, что общество, воспитанное в страхе перед бедностью, легко управляемо.

Человек так жаждет всё новых благ, что владение ими становится целью, смыслом, приложением силы.

Сребролюбие – любовь к деньгам, имуществу, желание обогатиться, размышление о средствах к обогащению, мечтание богатств, опасения старости, нечаянной нищеты, болезненности, изгнания, корыстолюбие, пристрастие к различным тленным предметам, суетная любовь к подаркам, присвоение чужого, жестокосердие к нищим, воровство, разбой – ступени в развитии управляемого, лишённого цели общества.

Глава четвертая

Вексель

– Доброе утро Константин Леопольдович.

Комиссаров стоял в проёме открытой настежь массивной дубовой двери губернаторского кабинета.

– Входите, Владислав Борисович, располагайтесь.

Губернатор не обернувшись, рукой указал в сторону не большого журнального столика, продолжая сосредоточенно вглядываться в огромное, панорамное окно, выходящее на ещё не ожившую, по утрене пустынную центральную площадь города. Площадь была отмечена высокой стелой в виде пересекающего финишную черту марафонца, ярко бликующего своей латунной поверхностью в ранних лучах утреннего светила.

Плотно прикрыв дверь, генерал быстро прошел к гостевому креслу, по шиколотку утопая в высоком, упругом ворсе напольного ковра, созданного умелыми руками иранских мастеров.

– Как неумолимо время.

Не ожидая ответа, риторически отметил Лежнев. Не обращая внимания на уже расположившегося в кресле Комиссарова, начал мерно раскачиваться, медленно переступая с ноги на ногу, как бы готовясь к скорому старту, лишь только громкий пронзительный хлопок стартового пистолета даст короткую свою команду. И, как будто решив для самого себя, что-то очень важное, тихо продолжил

– Пора...

Ещё вчера вечером, едва только стало понятно, что сделка состоится, губернатор связался с генералом Комиссаровым, и коротко обсудив текущую ситуацию, назначил встречу.

Вот уже почти десять лет прошло с первой встречи, той, что так накрепко сцепила их, дав то, в чем каждый тогда нуждался. Губернатору – баснословное состояние, позволившее его семье встать наряду с богатейшими мировыми фамилиями, а честолюбивому офицеру головокружительную карьеру, вознёсшую «вечного капитана» на вершину служебного «Олимпа».

Абсолютная Власть одного и высочайшей пробы Цинизм другого соединила их, как основные узлы в зловещей машине, мчащейся с неимоверной скоростью через жизнь.

– Как ты думаешь, какова будет окончательная сумма?

Заговорил Лежнев, медленно оборачиваясь к Комиссарову.

– По экспертным оценкам от 17 до 20 миллиардов.

Быстро ответил генерал и тут же продолжил.

– Буквально год, максимум два и экономику накроет глобальный кризис, сама возможность избавиться от падающих в цене бумаг – редкая удача.

Всего год назад Комиссаров с отличием закончил высшую школу экономики и очень гордился тем, что так любимые, ещё со школьной скамьи цифры обрели фактическое приложение в его судьбе.

– В рамках, каких финансовых площадок пройдут торги? И в какой валюте будет произведен окончательный расчет?

– Торги пройдут на Лондонской бирже, Константин Леопольдович. Часть акций оплатят в английских фунтах, часть в валюте ЕС и долларах, а часть будет переведена в государственные ценные бумаги США.

– Это зачем?

Губернатор так и стоял, спиной опершись на гигантское окно, подсвеченный ярким заревом утреннего солнца.

– Так решил Романов, он считает – это защитит его вложения в недвижимость за рубежом и придаст его собственной фигуре политического веса.

– Не перемудрил ли наш Аркадий Абрамович, так тщательно раскладывая свои яйца по разным корзинам? Как ты думаешь, Слава?

– Константин Леопольдович, мы работаем в связке с Романовым больше десяти лет и ни разу, – Комиссаров покачал головой. – Ни разу у нас не было возможности, хоть как то, упрекнуть его в безрассудстве. Всё, что он делает – выверено и продумано.

Губернатор понимающе усмехнулся.

Аркадию Абрамовичу Романову только исполнилось сорок лет. Точного места своего рождения он не знал. Рано оставшись без родителей, маленький Аркадий переехал в Москву, где жила сестра его матери. Окончив среднюю школу, и отслужив в армии, Романов поступил в институт. На последнем курсе он вместе с приятелями организовал свой первый кооператив. С головой погрузившись в мир предпринимательства, будущий олигарх, оставив попытки совмещать учебу и бизнес, покинул стены учебного заведения, так и не получив диплома о высшем образовании.

Начало 90-х Романов провел на бирже. Молодое государство лихо торговало недрами, через новую торговую площадку, соединённую хитроумной системой с мировыми рынками. Быстро разобравшись с биржевой наукой Аркадий Абрамович спустя всего три года, уже имел серьёзные связи с крупными игроками нефтегазового сектора и был представлен крупным федеральным чиновникам из высшей когорты управления страной. Потом последовал уже описанный процесс «изъятия» крупных активов и как то совсем не заметно, ещё не достигший тридцатилетия Романов, стал знаковой фигурой в жизни семьи первого президента молодой России, решительно взяв в свои умелые руки обеспечение быстро разрастающихся потребностей его семьи.

– Всё верно. Что нам делать, с нашей долей капитала? Есть у тебя какие то соображения? – спросил Лежнев.

Пожав плечами Комиссаров ответил:

– Романов наверняка всё продумал. Я третьего дня передал вам папку с его предложением. Было ли у вас время их изучить?

Генерал знал, что Лежнев сразу же прочел этот предварительный договор, переданный губернатору фельдъегерем, что доказывало важность и секретность документов.

– У меня нет от тебя секретов Вячеслав. Именно потому ты принимаешь и обрабатываешь всю входящую и исходящую документацию. Что ты думаешь обо всём этом.

Губернатор медленно, как бы нехотя, оторвался от своей опоры и пройдя разделявшие их метры грузно уселся в кресло напротив Комиссарова.

Владислав Борисович задумался. Как бы исподволь глядя на Лежнева, старой привычкой разведчика отмечать окружающие детали, быстро выделил заметно углубившиеся складки вокруг не ровного его рта и сильно поседевшие волосы, всё также хорошо уложенные не смотря на столь ранний час и довольно просторный новый костюм из сто процентной английской шерсти золотого сечения, скрывающий не только обрюзгшие формы его тела, но и прекрасно подогнанный бронезилет стоивший как хорошая иномарка из за сравнительной легкости и высокой степени защиты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.